

5059

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1911 г.

ТОМА XVI-го КНИЖКА 4-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1912.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и К. Л. Ринкера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; у Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ; Люзанъ и Номп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цена этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

27047

Грив. 50

Отчет В. А. Каминскаго о поѣздѣ въ Волынское Полѣсье для изученія народныхъ говоровъ лѣтомъ 1910 года.

Будучи уроженцемъ Волынской губерніи, я еще во время ученія своего въ Университетѣ, занимаясь діалектологіей подъ руководствомъ профессора Е. О. Карскаго, помышлялъ о томъ, чтобы предпринять поѣздки въ Волынское Полѣсье съ цѣлью сдѣлать здѣсь записи народныхъ пѣсенъ, обрядовъ и обычаевъ, которыя бы могли послужить основаніемъ для изслѣдованія. Однако прошло болѣе десятка лѣтъ послѣ окончанія мною университетскаго курса, прежде чѣмъ суждено мнѣ было осуществить свою завѣтную мечту. По обстоятельствамъ своей личной жизни, сложившимся крайне неблагоприятно для меня въ первый годъ послѣ окончанія университетскаго курса, я прожил нѣкоторое время въ Подольской губ., и къ тому времени относятся сдѣланныя мною здѣсь первыя мои записи народныхъ пѣсенъ (въ 1897—1898 г.), напечатанныя въ «Живой Старинѣ»¹⁾. Затѣмъ, не переставая интересоваться вопросами діалектологіи и этнографіи, я по условіямъ своей службы и въ зависимости отъ служебныхъ досуговъ сосредоточивалъ свое вниманіе и изученіе на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось проводить свободное отъ службы время. Результатами этого изученія были слѣдующія статьи:

1) Матеріалы для характеристики малорусскихъ говоровъ Подольской губ. Живая Старина 1902 г., вып. I, стр. 75—96.

1) Этнографическіе матеріалы, записанные въ селѣ Будкахъ, Винницкаго уѣзда Подольской губ.: а) День Ивана Купала, б) Разказы ¹⁾. 2) Праздникъ Пасхи въ селѣ Косаревѣ, Дубненскаго уѣзда, Волынской губерніи ²⁾. 3) Къ вопросу о народной демонологіи ³⁾. 4) Описание говора села Косарева, Дубненскаго уѣзда, Волынской губерніи ⁴⁾. Между прочимъ къ началу 1903 года, когда я состоялъ учителемъ Ковенской мужской гимназіи, у меня созрѣлъ планъ систематическаго изученія мѣстной, т. е. бѣлорусской и литовской, діалектологіи и этнографіи, что представлялось удобоисполнимымъ особенно въ виду командировки учителей мѣстной гимназіи для производства экзаменовъ въ начальныхъ школахъ; и въ апрѣлѣ 1903 года, согласно указаніямъ профессора Е. О. Карскаго и съ разрѣшенія бывшаго Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа В. А. Попова, была совершена мною съ этой цѣлью первая экскурсія совмѣстно съ инспекторомъ народныхъ училищъ Н. П. Свѣшниковымъ. Результаты этой экскурсіи изложены въ отчетѣ, который напечатанъ въ журналѣ «Филологическія Записки» ⁵⁾. Среди этихъ разнообразныхъ занятій меня никогда не покидала мысль о поѣздкѣ въ Волынское Полѣсье, при чемъ рѣшимость собирать здѣсь діалектологическій матеріалъ укрѣплялась вмѣстѣ съ усилившимся желаніемъ использовать этотъ матеріалъ, давъ на основаніи его «Очеркъ народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣсья». Эту задачу я вполне опредѣленно для себя формулировалъ, когда въ настоящемъ году, благодаря пособію со стороны Императорской Академіи Наукъ, а также, благодаря просвѣщенному содѣйствію Г. Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа В. И. Бѣляева, мнѣ удалось совершить давно задуманную поѣздку по Волынскому Полѣсью, о результатахъ коей я намѣренъ изложить въ настоящемъ отчетѣ. Что же касается изслѣдованія, то оно не можетъ быть составлено, прежде чѣмъ мною не будутъ посѣщены нѣкоторыя части Волынскаго Полѣсья, посѣтить которыя мнѣ не удалось лѣтомъ текущаго года.

1) Кіевская Старина 1904 г., т. LXXXVI, сентябрь, стр. 77—85.

2) Ibid. 1906 г. т. XCII, мартъ—апрѣль, стр. 299—320.

3) Ibid.

4) Русскій филологическій Вѣстникъ 1904 г.

5) Филологическія Записки 1910 г., вып. II, III и IV.

Волынское Полѣсье, или точнѣе Полѣсье, расположенное въ границахъ Волынской губерніи, до очень недавняго времени (приблизительно до 60 годовъ прошлаго столѣтія) занимало обширную территорию: не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что болѣе $\frac{2}{3}$ всей Волынской губерніи было покрыто лѣсомъ, который въ сѣверной своей части представлялъ сплошное пространство отъ западной границы губерніи до восточной, и только южная и юго-западная части представляли собою степную мѣстность. Колонизація Волынской губерніи чехами въ 60—70 г. XIX вѣка, а затѣмъ нѣмцами и др. колонистами вызвала истребленіе лѣсовъ, которое усилилось, благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ: — въ 70 годахъ Кіево-Брестской и въ 90 годахъ прошлаго столѣтія Кіево-Ковельской и Полѣсскихъ. Это обстоятельство оказало важное вліяніе на мѣстные говоры. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ произвело вмѣстѣ съ нивелировкой почвы и діалектологическую нивелировку, устраняя тѣ особенности, какія являются живымъ показателемъ старины, а именно дифтонги: оу, уы, юы, іе, и тѣ которые характеризуютъ сѣверно-малорусскіе говоры, какъ, напримѣръ: зл. ед. ч. са (вмѣсто об. русск. ся) и др.

Принявъ во вниманіе это обстоятельство, а также имѣя въ виду во 1-хъ то, что остатки старины въ народныхъ говорахъ должны сохраняться въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ и желѣзныхъ дорогъ, а во-вторыхъ, то, что діалектологическаго матеріала, касающагося Овручскаго уѣзда, сѣвера Ковельскаго и Ровенскаго, почти нѣтъ въ печати, а если и есть, то въ небольшомъ количествѣ и относится онъ къ 50—60 годамъ прошлаго столѣтія¹⁾, я поставилъ своею задачею, не располагая значительнымъ количествомъ свободнаго времени, обследовать въ діалектологическомъ отношеніи территорию, ограниченную съ западной стороны полотномъ Кіево-Брестской желѣзной дороги, съ юга — линіей Кіево-Ковельской желѣзной дороги²⁾; съ сѣвера — границей съ Гродненской и Минской губерніями, а съ

1) Я не имѣлъ въ виду тѣхъ матеріаловъ В. Г. Кравченко, которые только начали печататься въ «Трудахъ» Общества изслѣдователей Волыни въ текущемъ году (1910).

2) Начиная отъ Ковеля и до Искорости.

востока—съ Кіевской губерніей. Устанавливая приблизительно эту территорию для своей поѣздки, я кромѣ того предполагалъ закруглить ее, если бы позволило время, а именно — отправиться изъ Искорости (крайній пунктъ на востокъ) на югъ къ Житомиру, а отсюда проѣхать черезъ Новоградволинскій уѣздъ не по шоссе, а, держась направленія на сѣверъ отъ шоссе, доѣхать до Костополя (на сѣверъ отъ г. Ровно). Таковъ былъ районъ, намѣченный мною для поѣздки нынѣшняго лѣта.

Цѣли этой поѣздки были мною формулированы слѣдующимъ образомъ. Въ виду небольшого количества записей, характеризующихъ народные говоры Волинскаго Полѣся, я поставилъ своею цѣлю:

1) Сдѣлать эти записи, т. е. собрать матеріалъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ такихъ записей дѣлаемо не было, руководствуясь при собираніи матеріала интересами не количества, а главнымъ образомъ качества, т. е. стремясь записать меньше, но зато точнѣе, съ сохраненіемъ всѣхъ оттѣнковъ словъ и звуковъ со стороны ихъ произношенія въ данной мѣстности.

2) По возможности провѣрить тѣ записи, какія были сдѣланы и на которыхъ строить свои выводы профессоръ А. И. Соболевскій¹⁾.

3) Уяснить на основаніи сдѣланныхъ записей особенности современныхъ народныхъ говоровъ Волинскаго Полѣся.

4) Сгруппировать по уѣздамъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшія особенности этихъ говоровъ.

5) Выдѣлить въ говорахъ немалорусскіе элементы, особенно бѣлорусскій, и установить, гдѣ и въ чемъ наблюдаются переливы говоровъ малорусскаго и бѣлорусскаго.

6) Установить приблизительную границу, отдѣляющую сѣверно-малорусскій говоръ отъ южно-малорусскаго.

7) Отмѣтить наконецъ факты этнографіи, которая, въ особенности въ сѣверной части Волинской губерніи, является мало изслѣдованной, и факты коей должны невольно обращать на себя вниманіе при собираніи матеріала.

1) Живая Старина 1892 г., вып. III, стр. 1—30; вып. IV, стр. 1—61.

При выполненіи этой цѣли я имѣлъ въ виду посѣтить преимущественно мѣстности глухія, удаленныя отъ желѣзной дороги, такъ какъ полагаю, что здѣсь именно, благодаря строгой консервативности населенія, а равно отсутствію разнообразныхъ, нивелирующихъ говоръ вліяній мои записи дадутъ болѣе интересный матеріалъ, могущій представить нѣкоторую цѣнность и въ качественномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поставилъ себѣ за правило при производствѣ діалектологическихъ наблюденій избѣгать посѣщенія базаровъ въ мѣстечкахъ и городахъ по слѣдующимъ соображеніямъ, вынесеннымъ мною изъ моего личнаго опыта. Эти соображенія, какъ не лишеныя практическаго значенія для лицъ, занимающихся фольклоромъ, нахожу умѣстнымъ привести. Занимаясь собираніемъ пѣсенъ въ Подольской губерніи въ 1897 году, я имѣлъ возможность посѣщать въ базарные дни м.м. Жмеринку и Браиловъ. Послѣдній интересенъ былъ въ томъ отношеніи, что привлекалъ къ себѣ населеніе изъ болѣе широкаго района мѣстности, чѣмъ обыкновенное базарное мѣстечко, такъ какъ представлялъ и религіозный центръ; здѣсь находятся православный женскій монастырь, въ которомъ хранится чудотворная икона; кромѣ монастыря есть здѣсь и православная церковь, въ которой тоже находится чудотворная икона; наконецъ, въ мѣстномъ костелѣ есть чтимая католиками чудотворная статуя Іисуса Христа. Такимъ образомъ, помимо торговыхъ, коммерческихъ цѣлей, м. Браиловъ является религіознымъ центромъ и не только для православнаго населенія, но и для католическаго. Проходя здѣсь по базару 29 іюня 1897 года, и прислушиваясь къ говору, я встрѣтилъ случайно своихъ знакомыхъ крестьянъ, пріѣхавшихъ изъ Ямпольскаго и Могилевскаго уѣздовъ, и притомъ тѣхъ именно крестьянъ, со словъ коихъ я дѣлалъ раньше свои записи, когда ѣздилъ по этимъ уѣздамъ. Прислушавшись къ ихъ разговору, прежде чѣмъ самому подойти къ нимъ, я отмѣтилъ одно довольно любопытное явленіе: я убѣдился, что они намѣренно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ замѣтнымъ усиленіемъ, стараются скрывать особенности своего мѣстнаго говора, нивелируютъ эти особенности, подлаживаясь къ своимъ якобы болѣе культурнымъ собесѣдникамъ, чтобы не вызвать съ ихъ стороны насмѣшекъ. Такъ, напримѣръ, я явственно тогда замѣтилъ, что тотъ крестьянинъ, со словъ котораго я

дѣлать записи въ с. Бырлинцахъ Могилевскаго уѣзда, произносилъ «крыныця» вмѣсто: кірныця и керныця «бодай» (пустъ) вмѣсто: богдай; между тѣмъ у себя въ деревнѣ говорилъ: керныця, богдай и т. д. Такимъ образомъ, я отмѣтилъ факты, свидѣтельствующіе о яркой дифференціаціи говора, при которой отгѣнки говоровъ даннаго села и даже цѣлой мѣстности могутъ исчезать, когда жителямъ даннаго села или данной мѣстности приходится попадать на базаръ или на ярмарку; вследствие этого и дѣлать записи въ этой обстановкѣ, а равно и діалектологическія наблюденія я считалъ, во 1-хъ, не соответствующимъ тѣмъ цѣлямъ, какія я намѣтилъ при отправленіи въ командировку, а затѣмъ немогущими имѣть научнаго значенія въ смыслѣ основаній для выводовъ. Правда, мнѣ пришлось въ эту мою поѣздку наблюдать наемѣшки налѣ своеобразнымъ говоромъ крестьянъ села Копищъ Овруч. уѣзда, попавшихъ въ м. Олевекъ (55 вереть); но эти особенности очень рельефны, а консерватизмъ этихъ крестьянъ очень силенъ, чтобы поддаться этой нивелировкѣ и не сохранить особенности говора, не боясь наемѣшки, которой по словамъ Гоголя всякій боится.

Кромѣ поставленныхъ задачъ я, ознакомившись съ трудами Чубинскаго и проштудировавъ находящуюся въ VII т. 453 — 512 статью: «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи», заинтересованъ былъ тѣмъ, насколько группировка говоровъ, сдѣланная въ «Трудахъ» на основаніи матеріала, который собранъ былъ въ 1874 г., соответствуетъ современнымъ даннымъ. Формулируя между прочимъ результаты своихъ наблюденій, Чубинскій говоритъ слѣдующее: «Сопоставляя разныя мѣстныя топографическія особенности края, населеннаго Южно-руссами, съ древнѣйшими группами этого племени и современнымъ этнографическимъ его распредѣленіемъ, мы замѣчаемъ поразительную связь между характеристическими особенностями всѣхъ этихъ явленій. Горы и равнины, лѣса, степи и болота, бассейны рѣкъ; а также разныя переходныя мѣстности, какъ, напр., сплошныя волнообразныя возвышенности, широкія поля, усѣянныя листовными дубровами, всегда болѣе или менѣе опредѣляютъ собою обиталище отдѣльнаго этнографическаго типа *со свойственными ему особенностями рѣчи*. Совпаденіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ явленій представляетъ собою въ высшей степени интересный

предметъ для изслѣдованія». ¹⁾ Группируя затѣмъ южно-русовъ по тремъ главнымъ типамъ, а именно: Украинцевъ, Полѣшуконъ и Русинонъ и устанавливая въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ гармоническое разнообразіе, тѣсно связанное притомъ съ топографическими особенностями разныхъ частей, труды Чубинскаго группируютъ по этимъ тремъ категоріямъ и діалектологическія особенности. Такимъ образомъ, территория, намѣченная мною для изслѣдованія, населена частью типомъ Полѣшуконъ (весь Овручскій уѣздъ сѣверная полоса Житомирскаго уѣзда, сѣверная часть Новоградъ-Волынскаго уѣзда и большая часть Ровенскаго уѣзда) и частью Украинцевъ (Ковельскій и Луцкій уѣзды), и стало быть это была область нарѣчій Украинскаго и Полѣшскаго, если держаться теоріи «Трудовъ», или сѣверо-малорусскаго, если основываться на мнѣніи Соболевскаго. Имѣя въ виду эти данныя и установивъ для себя цѣли поѣздки я отправился въ путь 22 іюня и посѣтилъ слѣдующія мѣста: *С. Бузинъ, м. Камень-Коширскъ, Повурскъ и Чориче* Ковельскаго уѣзда, *Градье* Луцкаго уѣзда, *с. с. Большой Житинъ, Стрѣльскъ, Люхче, Глушица, Сарны* Ровенскаго уѣзда, *Рокитно, Олевскъ, Юрову, Копище, Бзунъ, Словечно, Можары, Левковичи* Овручскаго уѣзда. Остановившись затѣмъ въ Овручѣ, я рѣшилъ предпринимать отсюда поѣздки по радіусу въ разныя стороны, а именно: на сѣверо-востокъ въ *Людвиновку и Выступовичи*; на востокъ—въ *Ласки и Христиновку*; на юго востокъ—въ *Калиновку и Ходаки* и на югъ по направленію къ Искорости въ село *Инатополь и Васюковичи*. Однако, этотъ планъ я не могъ осуществить полностью, такъ какъ вѣдѣствіе разившейся холерной эпидеміи въ юго-восточной части Овручскаго уѣзда и частью на крайнѣ восточной части этого уѣзда, а также вѣдѣствіе враждебнаго отношенія суевѣрныхъ крестьянъ ко всемъ пріѣзжавшимъ изъ города «панамъ», о чемъ мнѣ сообщилъ непремѣнный членъ Овручской уѣздной Управы М. Г. Никитинъ, которому я обязанъ устройствомъ меня въ отношеніи къ безпрепятственному полученію земскихъ лошадей, ѣхать въ эти мѣста представлялось не только рискомъ, но не

1) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край. Юго-Западный Отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. VII, стр. 459.

обѣщало успѣха въ томъ дѣлѣ, ради котораго я предполагалъ туда поѣхать. Поэтому я успѣлъ побывать только въ Выступовичахъ и Людвиновкѣ, а также въ *Ласкахъ*; затѣмъ, отправившись въ Искорость, имѣлъ остановку въ с. Васѣковичахъ. Послѣ дневного отдыха въ Искорости и обзорѣннѣ историческихъ достопримѣчательностей, я направился на югъ къ Житомиру. На пути къ Житомиру я останавливался на нѣсколько часовъ въ с. Могильно (верстахъ въ 8 отъ Искорости), расположенномъ на рубежѣ двухъ уѣздовъ Овручскаго и Житомирскаго, предполагая отмѣтить тѣ особенности говора, которыя позволяютъ мнѣ ориентироваться въ выясненіи особенностей говора по уѣздамъ¹⁾.

Поѣздка по Полѣсью заняла время съ 22 іюня по 10 іюля, когда я прибылъ въ Житомиръ. Здѣсь мнѣ пришлось познакомиться съ нѣкоторыми изъ членовъ мѣстнаго «Общества изслѣдователей Волыни», которое существуетъ съ 1900 года и насчитываетъ до 200 членовъ. Записавшись въ члены общества и получивъ труды въ IV томахъ, я сталъ читать то, что имѣло ближайшее отношеніе къ цѣли моей поѣздки, при чемъ встрѣтилъ три статьи: 1) С. Бѣльскаго: С. Ковали Житомирскаго уѣзда, 2) В. Г. Кравченко: Свадьба въ селѣ Курозванахъ (т. I, стр. 1) и 3) П. А. Тутковскаго «Зональности ландшафтовъ и почвъ Волынской губ.» (т. II, стр. 142 — 163). Особенное вниманіе мое привлекла статья Кравченко, въ которой авторъ ея высказываетъ между прочимъ то, что онъ сохранилъ при записяхъ не только дословность діалоговъ лицъ, участвующихъ «на весіллі», дословность передачи пѣсни, но и слова рассказчика, дабы показать, что обрядовые діалоги и пѣсни, передаваясь изъ рода въ родъ, синтаксически и этимологически мало измѣнялись²⁾. При этомъ по мнѣнію автора образцомъ поваго языка служить рѣчь рассказчика, а стараго—діалоги «весільныхъ» и «іхні пісні». Не признавая между ними большой разницы, авторъ этой статьи, напечатанной еще въ 1902 году, констатируетъ усиливающееся съ каждымъ днемъ вліяніе внѣшняго міра на деревню и дѣлаетъ выводъ, что «говоръ народный въ близкомъ будущемъ долженъ измѣняться въ соотвѣтствующей прогрессіи»³⁾. Неболь-

1) См. выше, стр. 70.

2) Труды «Общества изслѣдователей Волыни», т. I, стр. 119.

3) Ibid.

шое, но вполне основательное предисловіе, обстоятельная запись обрядовъ, коими сопровождается свадьба, свидѣтельствуютъ, что статья принадлежитъ лицу опытному въ дѣлѣ записей народныхъ произведеній и не съ внѣшней, только технической его стороны, а и съ внутренней; кромѣ того авторъ статьи обнаруживаетъ не только интересъ къ этнографіи, но, что особенно важно и рѣдко, къ діалектологіи. Мое личное знакомство съ авторомъ ея, къ чему меня побуждали положительныя качества статьи, открыло мнѣ цѣлую огромную сокровищницу народныхъ произведеній, собранныхъ В. Г. Кравченко въ разныхъ мѣстахъ Украины, и въ особенности въ Волынской губерніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснило, что въ лицѣ его я вижу того сотрудника Гринченко, подъ редакціей коего были издашы матеріалы народныхъ произведеній, среди которыхъ не мало записано В. Г. Кравченко. Состоя чиновникомъ акцизнаго вѣдомства, г. Кравченко, объѣзжалъ села и деревни, по обязанностямъ службы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проживалъ болѣе или менѣе продолжительное время. Результатомъ этого были обширныя по объему и цѣнныя по качеству записи. Пользуясь любезностью г. Кравченко, я разсматривалъ этотъ матеріалъ, котораго хватитъ на 20 печатныхъ листовъ. Матеріалъ этотъ охватываетъ все стороны быта Украины во всемъ ея разнообразіи, и по моему мнѣнію заслуживаетъ того, чтобы возможно скорѣе его напечатать. Къ сожалѣнію Общество изслѣдователей Волыни печатаетъ въ своихъ «Трудахъ» не только статьи по этнографіи и діалектологіи, но по геологіи, экономическимъ вопросамъ, и при этомъ порядкѣ печатанія статей въ связи съ отсутствіемъ средствъ, коимъ страдаетъ большинство нашихъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, печатаніе матеріаловъ, собранныхъ В. Г. Кравченко, можетъ затянуться на много лѣтъ. Поэтому было бы справедливой наградой для труженика, безкорыстно занимающагося этнографіей и діалектологіей, а равно и законнымъ поощреніемъ его труда отпустить со стороны Академіи Наукъ необходимую сумму для печатанія этихъ матеріаловъ или же напечатать ихъ возможно скорѣе въ изданіяхъ Академіи Наукъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ будутъ удовлетворены запросы науки, могущей строить выводы лишь только на надлежащемъ матеріалѣ, который въ данномъ случаѣ тѣмъ цѣннѣе, что собраніе его требуетъ умѣнія, опытности и притомъ соединяется съ

большими трудностями. Не вдаваясь въ оцѣнку матеріаловъ, собранныхъ В. Г. Кравченко, прилагаю при семъ оттискъ части ихъ, печатаемыхъ въ «Трудахъ» Общества, для сужденія о томъ, насколько высказанное мною предположеніе о напечатаніи ихъ заслуживаетъ удовлетворенія въ той или иной мѣрѣ и степени. Третья статья мѣстнаго геолога П. А. Тутковскаго ¹⁾ обратила мое вниманіе потому, что въ ней, несмотря на ея спеціальный характеръ, выражена мысль о связи между характеромъ почвы, ея геологическимъ строеніемъ и особенностями языка; эту мысль авторъ категорически высказываетъ относительно одной изъ частей Волынской губ., именно области зоналессоваго ландшафта. О другихъ онъ дѣлаетъ предположеніе. Наконецъ статья Бѣльскаго «С. Ковали, Житомирскаго уѣзда» ²⁾ даетъ вполне добросовѣстное и подробное описаніе этой деревушки, интересное подробностями этнографическаго характера, а также діалектологическими особенностями народнаго говора даннаго села. Поѣздкой въ Житомиръ и пребываніемъ тамъ я рѣшилъ закончить свое путешествіе въ виду обилія собраннаго матеріала и необходимости сгруппировать его, привести въ порядокъ, а затѣмъ въ виду приближавшагося (7-го августа) начала учебныхъ занятій во ввѣренной мнѣ четвертой женской гимназіи и необходимости подготовить все къ этому началу. Такимъ образомъ, я не выполнилъ только заключительной части своего путешествія, именно отъ Житомира до Костополя въ указанномъ мною выше направленіи ³⁾, хотя эта поѣздка, въ виду обширности намѣченнаго мною района, представлявшаяся крайне желательной, и не вошла въ кругъ мѣстности для *обязательнаго* посѣщенія въ это лѣто. Кромѣ того я не посѣтилъ восточной окраины Овручскаго уѣзда и юго-восточной его части ⁴⁾. Но, благодаря любезности В. Г. Кравченко, я получилъ матеріалы, характеризующіе говоры этихъ мѣстностей; вѣдѣствіе этого въ отношеніи посѣщенія района намѣченной мною территории могу считать своей планъ въ общемъ выполненнымъ. Поѣздка же отъ Житомира до

1) Зональность ландшафтовъ и почвъ Волынской губ. Труды «Общества изслѣдователей Волыни» т. II, 1910 г. ст. 143—163.

2) «Труды», т. II, 1911, стр. 1—41.

3) См. выше стр. 69.

4) Ibid.

Костополя, посещение Владимирь-Волынского уезда и некоторых частей Ровенского, Ковельского и Луцкого уездов в целях собиранія матеріала, необходимаго для полноты выводовъ предполагаемаго мною изслѣдованія «О народныхъ говорахъ Волынскаго полѣсья», я отложилъ для предстоящаго лѣта, если только не будутъ служить помѣхой тому мои служебныя обязанности.

Приступая къ обзору собраннаго мною матеріала, нахожу не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какихъ техническихъ приѣмовъ я держался при собираніи матеріала. Имѣя въ виду соблюсти строгую точность при записываніи, я поступалъ такимъ образомъ: записанное въ извѣтномъ селѣ или деревнѣ я возстановлялъ, переписывая по вечерамъ то, что было мною записано днемъ. Такимъ путемъ я старался избѣжать могущаго быть смѣшенія звуковыхъ особенностей говора одной деревни съ особенностями другой, такъ какъ все, что записывалось въ извѣтномъ мѣстѣ, закрѣплялось непосредственно сейчасъ же со всею точностью посредствомъ переписки.

Переходя къ обзору собраннаго мною матеріала, я долженъ сказать, что первая изъ поставленныхъ мною цѣлей-собираніе и запись матеріаловъ выполнена мною съ нѣкоторой долей успѣха. Подведенный мною итогъ поѣздки выразился въ слѣдующихъ результатахъ.

- 1) въ с. Буцинѣ мною записано 29 пѣсенъ, три похоронныхъ причитанья и одинъ рассказъ.
- 2) въ м. Камень-Коширскѣ 16 пѣсенъ и 3 рассказа.
- 3) въ с. Градѣ 4 пѣсни, похоронные обычаи и примѣты.
- 4) въ с. Чоричѣ 16 пѣсенъ.
- 5) въ с. Рокитно-описаніе праздника Купалы, свадебныхъ обрядовъ и нѣсколько пѣсенъ.
- 6) въ с. Кошицахъ 22 пѣсни, четыре причитанья, и описаніе свадебнаго обряда съ пѣснями.
- 7) въ м. Словечно 6 пѣсенъ, одинъ рассказъ и похоронныя причитанья.
- 8) въ с. Ласкахъ 7 пѣсенъ.
- 9) въ с. Выступовичахъ одна пѣсня.

Кромѣ того записано не мало разговоровъ, веденныхъ мною съ крестьянами тамъ, гдѣ записаны пѣсни и рассказы, а равно и тамъ, гдѣ записать пѣсенъ не представилось возможности. Такіе разговоры записаны мною въ с. Стрѣльскѣ (Ровенскаго уѣзда) и на пути въ с. Стрѣльскѣ (между Сарнами и д. Глушицей), въ с. Сарнахъ, въ м. Олевскѣ, въ небольшомъ поселкѣ около села Копищъ (верстахъ въ 7 на пути изъ Юровой въ Копище); въ Воробьевыхъ корчмахъ (на пути изъ с. Копищъ въ м. Словечно), въ с. Антоновичахъ и с. Бѣгунъ (вблизи м. Словечно), въ с. Васьковичахъ, въ с. Бѣхахъ и въ с. Могильно (на югъ отъ Искорости 8 вер.) и въ м. Искорости. Наконецъ, проѣзжая и черезъ другія, кромѣ перечисленныхъ выше селъ, я дѣлалъ бѣглыя замѣтки каждый разъ въ томъ случаѣ, когда разговоръ, слушателемъ коего я былъ, представлялъ какую-нибудь особенность, важную для характеристики говора вообще, и интересную для данной мѣстности въ особенности.

Всѣ поименованныя выше записи пѣсенъ и рассказовъ дѣлаемы были преимущественно со словъ лицъ неграмотныхъ, на произношеніи коихъ не могло отразиться вліяніе книжнаго языка и книжной орфографіи. Въ случаѣ смѣшаннаго состава лицъ, пѣвшихъ мнѣ пѣсни, я обращалъ вниманіе на говоръ лицъ старшаго возраста и притомъ, если и было различіе въ произношеніи, я его отмѣчалъ¹⁾, полагая въ основаніе записей именно то произношеніе, какое я наблюдалъ у неграмотныхъ и пожилыхъ поселянъ.

Выясненіе особенностей современныхъ народныхъ говоровъ Волынскаго Полѣсья я постараюсь сдѣлать на основаніи собраннаго матеріала лишь въ общихъ и главныхъ чертахъ, при чемъ собранный мною матеріалъ можетъ быть подраздѣленъ на двѣ группы, а именно: основаніе для сужденія о говорахъ первой, или западной части посѣщенной мною территоріи даютъ записи и замѣтки, сдѣланныя мною въ сс. Буцинѣ, Повурскѣ, Градѣ, Чорнче, м. Камень-Коширскѣ и с. Рокитно (крайній пунктъ на востокъ этой части); основаніе для характеристики говоровъ второй или восточной части даютъ записи и замѣтки, сдѣланныя мною главнымъ образомъ въ с. Копищахъ, м. Словечно, сс. Выступовичахъ,

1) См. ниже (с. Копище) стр. 29 и 32.

Ласкахъ, Васьковичахъ, м. Олевскѣ, с. Могильно. Устанавливая эту группировку матеріала примѣнительно къ особенностямъ говоровъ, я имѣлъ въ виду различіе въ произношеніи дифтонговъ или тѣхъ звуковъ, которые ихъ вытѣснили и продолжаютъ вытѣснять въ настоящее время, затѣмъ особенности, связанныя съ лабиализаціей и палатализаціей, и наконецъ тѣ черты бѣлорусскаго нарѣчія, которыя получили свое выраженіе въ той или иной мѣрѣ и степени. Такая группировка однако въ своемъ значеніи ограничивается лишь только посѣщенной мною территоріей, которая не включаетъ въ себя *всего* Волынскаго Полѣсья; поэтому при собираніи мною новыхъ данныхъ, касающихся Волынскаго Полѣсья, возможны и допустимы измѣненія въ установленной мною группировкѣ, которую я не считаю неизмѣнной, постоянной и обязательной.

Для образца привожу нѣсколько пѣсенъ, характеризующихъ говоръ западной части посѣщенной мною территоріи.

М. Камень-Коширска.

1. За горюю, за крутою тамъ я жѣрбойку журѣ,
 Ныхто горушкіе ны знае, якъ я зъ мылымъ растаюсь.
 Моя мыла дорогая, въ насъ розлѣка тяжка.
 Розлучыла насъ зъ тобою чужа-дальня сторона.
 Засъвычу я ясну съвычу ныхай гѣрыть хотъ до дня.
 Горы, горы ясна съвыча, горы, ны згашай
 Ты жъ мый мылый, чернобрыый, ко мнѣ въ госцы
прыйжджай.
 Ны прыйду, моя мыла, бо въ нывѣлюшкі сѣджу.
 За стынѣю камынынѣю, за рѣшоткой дротяною.
 Я въ нывѣлюшку попавса зъ своей дѣрной головою.

2. Дзѣ нашъ сынъ забарѣвся
 Зъ кімъ бо вынъ подарѣвся
 Вызѣ сынъ подарѣчкіе
 Зъ білыи кітѣечкіе
 Одъ свѣйи коханочкіе.

Въ селѣ Градѣ.

1. Нашъ панъ домуйе, домуйе ¹⁾
 Жѣнчыкамъ вычѣройку готуйе.
 Кўрыца ²⁾ дорожка, кўрыца
 Нашъ паночко жўрыца,
 Шо трѣба кѣныка продаты,
 Жѣнчыкамъ горылочкѣ даты.
 Крѣсалэ сѣрпѣчкѣ крѣсалэ,
 Покры (и покѣ) жыточка дожылы,
 А тыпѣръ ны будутъ крѣсаты,
 Будутъ у комѣрѣ лѣжаты.

Въ селѣ Буцинѣ.

1. Въ чѣстому полю на кльонкў
 Высыть кольисочка на шоўкў.
 А у тый колѣсцѣ дытына
 Молодѣсынскій Гаврылко.
 Колышѣтѣ мынѣ высоко,
 Щобъ я зобачывѣ далѣко.
 Ой дѣ дѣвчына гуляе,
 Густѣ жѣтычко зжынае.
 Повій вѣтрѣйку иізъ дубка
 На хорошого парубка,
 Повій вѣтрѣйку зъ лыщынѣ
 До хорошгій дѣвчынѣ.
2. Наша кгоспося у дома,
 Намъ вычѣройка (и вычѣронька) готова.
 А якъ ны бѣдѣ готѣва,
 Ны ночоватымѣ у дома,
 Ночоватымѣ у лѣсѣ,
 Якъ ластувойка у стрѣсѣ,

1) Домуйе—т. е. сидитъ дома.

2) Курится, на ней поднимаются столбы пыли.

Почуватымэ у польѣ

Пры зылэныйкій дубровѣ.

Въ селѣ Рокитно.

1. На Купала огонь горыть,

Купайло лэліе вэчоріе

Чырызъ буръ зэлэнькій

Кунь бэжыть воронэнькій,

А жь нэ самъ бо бэжыть,

На ніомъ Даньілко сэдыть.

Пэрэймы Нэстэ коня вороно́го

Да й мынэ молодого.

2. Повій вієтру въ нашу сьвѣтіолку!

Въ нашой сьвѣтлыцы хорóшіе корова́йныці

Зъ ручэнькамы біслэнькімы,

Зъ пэрэнями золотэнькімы.

3. Сыдыть голубъ на дубочку жалібно воркуе,

Сыдыть дівча пудъ хатою горынько горѣ.

— «Цы бызь щасця вродыласа, що бызь долы гіну,

Цы такейі кумэ бралыѣ, щасця-долы мні ны далыѣ;

Цы ты мынэ, моя маты, у цэркву ны носыла,

Що ты мніні молодэнькі долы ны впросыла.—

— «А я у цэркву носыла—Богу молылася,

Така жь тобі, моя доню, доля судылася».

— «Цы ты мынэ, матыѣ, та тогді¹⁾ прокляла,

Якъ ты мынэ малэнькією у купэлю купала».

— «Ой ны кляла, моя доню, ны кляла ныкóлыѣ,

Тыко²⁾ йідэнь разъ сказала: щобъ ны мала долыѣ».

— «Защо було, защо матыѣ, такъ тяжко вкльінатыѣ?

Ліпшэй було, моя матыѣ, на світь ны пускатыѣ;

1) Двойниковыя формы: при «тогді» говорится и «тоді».

2) Тыко = только.

Ліпшэй було, моя матыэ, въ кўпылі втопїтыэ,
 Ныжъ я маю ныщаслыва на сьвытоньку жэтыэ».
 — «Ны плачь, ны плачь, моя доню, слэзозьк
 ны розлывай.
 Щэты на сьвыты ны родылаэ, якъ Быгъ долю давъ.

На основаніи этихъ пѣсенъ, а также и другихъ записанныхъ мною словъ, выражений и замѣтокъ можно свести особенности этой группы говоровъ къ слѣдующимъ:

1. Отсутствие слѣдовъ вліянія бѣлорусскихъ говоровъ, какъ въ фонетикѣ, такъ и морфологіи. Исключеніе представляетъ одинъ случай аканья: пшанїца (с. Буцинъ); нѣсколько случаевъ цеканья: «цы» на мѣстѣ *чи*, напр.: цы бызъ щасця вродылаэа (м. Камень-Коширець).

2. Особенности, характеризующія по мнѣнію А. И. Соболевскаго сѣверно-малорусскіе говоры, наблюдаются здѣсь прежде всего въ явленіи слѣдующихъ дифтонговъ при произношеніи, а именно:

а) *іе* (на мѣстѣ *і*), напр. въ чѣстому полю, жієтычко (с. Буцинъ и с. Повурекъ); йїѣдыты = ѣдыте (д. Глушица вблизи Сарнъ); подарочкіе, кітаечкіе (м. Камень-Коширець).

б) *іе* (на мѣстѣ *і* изъ *ѣ*), напр. вієтру, бієланькій (с. Рокитно); чоловієк (с. Стрѣльєць); однако при этихъ формахъ есть и такія: вітрэйко (с. Буцинъ).

в) *ӯ*, *ӯо*, *ӯэ*, напр. б̄ульшь (и б̄уэльшь), в̄унъ (с. Сарны); б̄уръ (= боръ), мӯе, кух̄анэ, спудн̄ыцу (с. Рокитно); др̄убн̄ый (с. Буцинъ); т̄уолькі (с. Чорнче).

г) дифтонгическія сочетанія *уе*: у лис̄ыэ, у поль̄ыэ, у стр̄ыс̄ыэ, ны почоватым̄ыэ и почоватым̄э (въ с. Буцинъ), до дівч̄ыэны (м. Камень-Коширець).

д) б̄экъ и б̄экъ = быкъ (с. Люхче, на сѣверѣ отъ Сарнъ и село Стрѣльєць).

Относительно всѣхъ этихъ особенностей нужно замѣтить, что вполне определенную огласовку въ произношеніи получаютъ дифтонги *іэ* и *іэ̄*, менѣе определенную и притомъ рѣже встрѣчаются *уо*, *уэ̄*; эти послѣдніе

(yo, yэ, юо) употребляются чаще въ стянутомъ видѣ съ отчетливымъ вполне характеромъ стяженія ихъ и кромѣ того съ длительнымъ характеромъ того гласнаго звука, который явился результатомъ стяженія, какъ наримѣръ: муй, буръ, дальбугъ¹⁾, запрягъ, бульшь, вунъ (с. Сарны, с. Будиць, с. Повурекъ) и др.

При произношеніи этихъ дифтонговъ наблюдается та особенность, что въ дифтонгахъ *ie, iэ* преобладаетъ вторая часть въ болѣе значительномъ количествѣ случаевъ, чѣмъ первая, а въ дифтонгахъ *yo, yэ* — первая; двойниковыя формы въ произношеніи дифтонговъ наблюдаются только въ дифтонгахъ *yo, yэ*, когда при стянутыхъ формахъ встрѣчаются и нестянутыя при *бульшиз-буэмишз* и *буомишз*; при тулькі-туолькі и туэлькі.

3. На мѣстѣ А ударяемаго съ предыдущей мягкостью согласнаго въ произношеніи слышится *e* и *ie*, напр., *мнѣсо, гарѣчый, сѣрьмега* (с. Будиць, Повурекъ, м. Кашовка); *есть* и *сѣрьмега*.

4. На мѣстѣ И ударяемаго встрѣчаются въ произношеніи Э, напр. *ходѣты, носѣты, косѣты, забарѣвся, подарѣвся*, (с. Камень-Коширекъ, с. Будиць, Стрѣльскъ, Сарны), *жнѣся* (= *жнисъ*) с. Будиць.

5. Звукъ О представляетъ ту особенность, что замѣстителемъ его подъ удареніемъ является *y*, наримѣръ: *вуль, кунъ*; этого же замѣстителя мы встрѣчаемъ и въ слогахъ безударныхъ, наримѣръ: *купувѣты*. Наконецъ замѣстителемъ О — безударнаго является Э и ЫЭ въ оконч. 1 л. множеств. числа: *ночовѣтымэ, и ночовѣтымѣэ*.

6. Звуки И и Е — безударные чередуются другъ съ другомъ, напр.: *тыпѣръ и тѣпѣръ, молодѣснѣкѣй и молодѣснѣкѣй* и др. Въ заключеніе замѣчаній о произношеніи гласныхъ слѣдуетъ замѣтить, что характерную особенность говоровъ этой группы составляетъ звукъ *i*, который въ большинствѣ случаевъ является широкимъ и открытымъ, соотвѣтствуя литературному Ы.

1) Форма божбы, употребляющаяся въ другихъ говорахъ, какъ «дальбі» и дальбігъ (= польск. *dalibug*).

7. Твердость согласныхъ звуковъ, характеризующая сѣверно-малорусскіе говоры, здѣсь представляетъ особенности, выражающіяся въ разнообразіи ихъ произношенія; болѣе послѣдовательно выраженную твердость можно наблюдать лишь при произношеніи губныхъ *б* и *п*, напр.: збѣруца, сьпѣвають (с. Градѣ, с. Повурекъ), обьльлюся (с. Камень-Коширекъ). Эти примѣры типичны, какъ указывающія на твердость отмѣченныхъ губныхъ въ произношеніи; однако при твердости ихъ можно указать также и случаи умягчительности, хотя и очень рѣдкіе, напр.: бігты (= бѣжать).

8. Что касается другихъ согласныхъ, то нѣкотораго вниманія заслуживаютъ *р* и *л*.

Переднеязычный голосовой звукъ, дрожащій *р* бываетъ то твердымъ, какъ напримѣръ: радѣкъ, запрагаты (с. Буцинъ, с. Повурекъ и др), то среднимъ по мягкости, какъ напримѣръ, грѣзла (с. Рокитно), горѣлочка (с. Градѣ), по рѣнѣчку, то мягкимъ, какъ напримѣръ: за рѣшѣткой (с. Камень-Коширекъ), трѣе года (с. Буцинъ и др.).

9. Нѣкоторую аналогію съ звукомъ *р*, представляетъ небо-зубной, голосовой отчасти дрожащій *л*, являющійся то твердымъ, какъ напр. пошлѣ (= пошлі, посылатъ) щаслѣвый; то мягкимъ, напр.: стьлючѣ.

10. Заднеязычный *г* представляетъ ту особенность, что является въ произношеніи не только длительнымъ, фрикативнымъ, но иногда и мгновеннымъ, напримѣръ, кгоспѣдаръ, кгоспѣся (с. Буцинъ, с. Повурекъ); такихъ случаевъ не много.

11. Отсутствуетъ по мѣстамъ смягченіе *д* въ *дж* и въ *ж*. Въ с. Рокитно говорятъ: ходю; тоже наблюдается и въ с. Градѣ.

12. Форма *з л. ед. ч.* СА чередуется съ СЯ; въ восточной части этой половины территоріи СА и ЦА; въ Рокитно и Градѣ говорятъ: наливайца, збѣраюца, осталаса, хотя въ Рокитно встрѣчаются случаи съ СЯ, напримѣръ: осталоса. Въ Буцинѣ и Камень-Коширекѣ преобладаетъ формы на *ся*.

13. На мѣстѣ общерусскаго *ве* въ имен.-винит. ед. ч. средн. рода встрѣчается *е* съ удвоеніемъ предыдущаго согласнаго звука, такъ и *я*, напримѣръ: вѣсілле и вѣсілля (с. Рокитно).

14. Особенность в образовании существительных уменьшительных, состоящая в том, что суффикс ОНЬК замѣняется суффиксом ОЙК. Эту особенность приходится наблюдать особенно в Бучинѣ, Камень-Коширскѣ, напримѣръ: жѹройка, вычѹройка и др.

15. Окончаніе 3 л. ед. числа наст. врем. имѣетъ суффикс ТЬ, напримѣръ: сыдыть (м. Камено-Коширскѣ), высыть (с. Бучинѣ).

16. Окончаніе 1 л. множеств. числа МО чередуется съ МЪ, напримѣръ: пожнѣмо и пожнѣмъ (сс. Бучинѣ, Камень-Коширскѣ, Большой Жытынѣ и др.).

Переходя къ описанію говоровъ восточной половины посѣщенной мною территоріи, необходимо замѣтить, что въ настоящее время нѣкоторые виды той группировки (по волостямъ), какая сдѣлана А. И. Соболевскимъ, должны быть признаны не существующими, такъ какъ, напримѣръ, ни Ласковской, ни Людвиновской волости теперь нѣтъ. Кромѣ того въ сравненіи съ тѣми особенностями, какія приведены въ «Очеркахъ» А. И. Соболевскаго, произошли нѣкоторыя измѣненія въ говорахъ. Самыми характерными для говоровъ этой половины посѣщенной мною территоріи являются записи, сдѣланныя мною въ с. Копищахъ (2 версты отъ границы Минской губ.), а затѣмъ записи и замѣтки, сдѣланныя въ м. Словечно и въ сс. Выступовичахъ и Ласкахъ.

Вотъ нѣкоторые образцы пѣсень, записанныя въ селѣ Копищахъ.

Изъ свадебныхъ пѣсень.

- а) Де тая маці?
 Пара завиваці,
 Кого намъ наслаці,
 Завивала узяці.
- б) Суньтеса, подоляночкі,
 Съ покуці да на лавочки
 Нехай сядзе лѣтвинъ
 Да зъ своею лѣтвинкою (лѣтвинкою)
 Зъ любою розмѣвкою.

в) Не сто́йце далѣко,
 Приступіть (приступите) блізенько,
 То мы будѣмъ знаці,
 Кого частувáці.

г) Ой браце!
 Вядѣ молоду́ рано рані́сенько.
 Відучѣ́ тай пытає рано рані́сенько.
 Ой кого зъ кімъ розлучѣ́ці.
 Хто тобі, сієгрѣ, мілѣй увсіхъ.

д) Скупы́, скупы́, свáту!
 Порáнку ходзілі,
 Шəлягі (= деньги) зберáлі.

е) Німа гіршъ нікому,
 Кому якъ сиротіночкіє.
 Да ніхто не прыгѣрне
 Пры ліхой годзіночкіє.

Не прыгѣрне о́цець,
 Не прыгѣрне ма́ці,
 Тулькі той прыгѣрне
 Хто думáє взáці.

Въ м. Словечно.

Зашумі́ела ліцѣнонька,
 Запла́кала дівчынонька,
 Запла́кала, затужі́ела,
 Нема того, шо любы́ла.
 Німа того, дай не б́уде
 Розраді́лі мене люде,
 Розраді́лі, розсуді́лі,
 Шубъ (шобъ) мы ў́ паре ні ході́лі.

Въ селѣ́ Копі́щахъ.

1. Пу надъ горѣ́домъ, пу надъ клѣткѣ́ю
 Калі́на мо́я чы́рво́ная ягѣ́да.

Тамъ ходзіла сьлѣчная панна,

Ходзіла й каліну щіпала,

Каліну щіпала, кѣ лічку рувіяла,

Кѣ лічку рувіяла маці пугала (= спрашивала):

«Матухно моя! ко́бъ (= еси́бъ) я такая,

Єкѣ каліна сѣя — чырвоная радосьць,

Той бы я вушла за дворашіна

Двора́не хороше́ ходяць — дзіла ні робляць,

За двора́ніномъ добра́ жыты і дзіла ні робіті.

У садочку да пробыла по́жэчку на дрозочку,

Бьэ́льць моя но́жэчка бо́льно.

Любы́вь барынь дэушку да ны доўго.

Ні на доўго вре́мечко, на часочокъ,

Да по́йхавъ І́ванюша ў горо́дочокъ.

За німъ дэ́ушка у сліе́дочокъ.

Бегла бегла дэушка ні дагна́ла,

Сѣла пудъ вы́шнюю адды́хала,

Легла пудъ вы́шнюю та́й засну́ла.

Пры́йхавъ І́ванюша да ны чу́ла.

Гойі, гойі¹⁾ спаты дэушко, пробуді́са,

На мою ко́лясочку по́дві́са,

Моя ко́лясушка ні проста́я,

Моя старону́шка да́люка́я.

Въ селѣ Ласка́хъ.

Изъ сваде́бныхъ.

1. Помолы́вшэса Бо́гу

Є́дь (по́зжай) сы́нку ў доро́гу.

Да у доро́гу ша́слы́ву,

Да по мь́лу́й (= за мило́й) чо́рнобры́ву.

2. За́кідай, ма́мко, тріе́скі,

Спо́дывайса, ма́мо, ны́віе́сткі.

1) = Годі, доста́точно.

Єкъ (и якъ) діежу ты мэсыла, той мэсы;
 Єкъ хату мыла (подметала), той мэты;
 Тўолькі тая слава, що пэвіеткі (и нывіеткі) дуждала.

3. А кривога таньца
 Да нэ вівіедамо конца,
 Хучь вівіедамъ конэць,
 То на батэнькоў дворэць.

Относительно этой группы говоровъ слѣдуетъ сказать, что замѣтно вліяніе бѣлорусскихъ говоровъ особенно въ Копищахъ и отчасти въ Выступовичахъ и Людвиновкѣ. Въ с. Выступовичахъ мнѣ приходилось слышать разсказъ старенькаго священника о. Томиловскаго, который прослужилъ 50 лѣтъ въ должности псаломщика, а затѣмъ 15 лѣтъ въ должности священника въ этомъ селѣ. Онъ сообщилъ, что прежде крестьяне говорили очень плохо («такъ якъ ліцвіны») «дзікалы и цікалы», а теперь говоръ ихъ значительно лучше. Если принять во вниманіе, что здѣсь въ церкви находится чудотворная икона, въ честь коей бывають особые празднества («отпущы»), собирающіе много народу, то съ полною достовѣрностью надо предположить дифференціацію говора, подвергавшагося систематической нивеллировкѣ, при которой важнымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ считать то, что на богомолье приходили и приходятъ главнымъ образомъ съ юга, а не съ сѣвера.

Особенности бѣлорусскихъ говоровъ, которыя наблюдаются въ говорахъ этой части посѣщенной мною территоріи, можно отмѣтить слѣдующія:

а) мягкія *д* и *т* передъ гласными въ концѣ словъ и передъ *в* произносятся какъ *ДЗ* и *Ц*, напримѣръ: поцірала, гдзѣ, плацаць, завіваць и др. (с. Копице, Воробьевы корчмы), при чемъ формы съ *Ц* (цеканье) встрѣчаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ особенность, состоящая въ произношеніи *ДЗ* на мѣстѣ мягкаго *Д*. Наиболѣе ярко и полно эти особенности можно наблюдать въ говорѣ с. Копищъ. Что касается остальныхъ мѣстъ (се. Выступовичи, Людвиновка, Ласки, м. Словечно), то здѣсь почти нѣтъ этихъ особенностей, говорю *почти*, потому что только

въ Выступовичахъ и въ Ласкахъ мнѣ пришлось отмѣтить нѣсколько случаевъ цеканья: робіць, цібе. Говоря о цеканьи, надо прибавить, что въ произношеніи можно наблюдать двойниковыя формы: поцірала и потірала; робіць и робіть. Наконецъ, любопытное явленіе представляетъ эта особенность, если ее наблюдать въ обычномъ разговорѣ и наблюдать, когда поются пѣсни: въ послѣднемъ случаѣ эти особенности выражаются болѣе послѣдовательно и систематически постоянно; между тѣмъ въ разговорѣ эти особенности наблюдаются, во-первыхъ, въ значительно меньшемъ количествѣ, а затѣмъ, ихъ нѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ приходится наблюдать при пѣніи пѣсенъ, напримѣръ: ходіті, гомоніті и др.

б) У неударяемое приближается въ произношеніи къ *B*, а въ свою очередь *o* передъ согласными и въ концѣ словъ произносится какъ *u*, напримѣръ: дѣўка, ўей, якў, ўязі (с. Копище), бѣтѣнкоў (с. Ласки), воронѣнкоў (м. Словечно).

в) Встрѣчаются случаи появленія *ŷ* (неслогового) на мѣстѣ *L* въ серединѣ словъ и въ концѣ формъ прошедшаго времени, причемъ *ŷ* образуетъ вмѣстѣ съ предшествующими гласными одинъ звукъ — дифтонгъ, напримѣръ, доўго, ўѣхаў, зваліў, воўкі (с. Копище, Воробьевы корчмы).

г) *Аканье* выражается въ произношеніи сравнительно въ небольшомъ числѣ случаевъ, напримѣръ: калібѣ, шаўковенькой, ня твой и под. (с. Копище); въ большинствѣ же случаевъ приходится наблюдать неполное аканье, особенно при произношеніи звука *O*, который является склоннымъ къ *A*, при чемъ *O* получаетъ преобладающее значеніе въ произношеніи и опредѣленную огласовку; вѣдѣтвіе этого я бы назвалъ это *полуаканьемъ*; примѣры: во^aуки, о^aстаіса, при до^aліні (с. Копище и др.); почти тоже можно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда бы мы ожидали появленія *a* съ предыдущей мягкостью на мѣстѣ *E*, напр. не^a твоій, ве^aдѣ и др.

д) *R* представляетъ разнообразіе въ произношеніи, являясь то твердымъ, какъ напримѣръ: зѣ гора, то мягкимъ вполнѣ, какъ, напримѣръ: угрѣбайся (обгоняй мухъ), ў мори, зарізалі (с. Копище).

II. Параллельно съ этими особенностями бѣлорусскихъ говоровъ слѣдуетъ отмѣтить дифтонги:

а) *ie* 1) на мѣстѣ Ъ, напримѣръ: зашуміѣла (м. Словечно), нывіѣсткі, діежѹ (с. Ласки), поміѣщыківъ (с. Копище); 2) на мѣстѣ Е и И, напр., тріѣскі, закіѣдай (село Ласки), затужіѣла (м. Словечно), щіѣ на відно, спіѣжка (с. Копище).

б) УО, напримѣръ: вѹона, хорошѹой (с. Копище), пѹогляды (село Ласки), кѹоснычкі (коснычкі) с. Ласки и др., вѹоль, кѹонь, а чаще: кѹнь и вѹль.

в) УЭ, напримѣръ: куэшь (= коша — кошь).

г) ОУ напримѣръ: Боугъ (с. Гунычи изъ матеріаловъ В. Г. Кравченко); позоѹбали = поклевали (с. Копище).

д) ЫЭ напримѣръ: бѣэлыть = болить (с. Копище).

Изъ перечисленныхъ мною дифтонговъ преобладающими являются дифтонги *yo, yэ*; при произношеніи этихъ послѣднихъ сонантомъ дифтонга является первая часть, которая, удлиняясь при произношеніи, является иногда замѣстителемъ самага дифтонга; поэтому гдѣ можно было бы ожидать сочетаній УО, УЭ, УЙ, иногда слышится У, т. е. наблюдается стяженіе дифтонга, и слова съ дифтонгами чередуются со словами безъ дифтонговъ. Это чередованіе возможно было наблюдать въ с. Ласкахъ, въ с. Раковщинѣ (вблизи с. Ласокъ), а также въ сс. Копищахъ и Выступовичахъ; такъ при формѣ: *муой* встрѣчаемъ: *муй*; *куонь* — *кунь*, *вуоль* — *вуль* и т. д. Равнымъ образомъ и въ дифтонгѣ *ie* при произношеніи сонантомъ дифтонга является первая часть съ такой же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, тенденціей къ стяженію дифтонга, результатомъ коей являются двойниковыя формы, т. е. стянутыя и нестянутыя, а именно: *поміѣщыківъ* и *поміщыківъ*, *діѣмѣ* и *діѣа* и др. Тенденція къ стяженію этихъ дифтонговъ наблюдается особенно въ говорѣ сс. Копищъ, Выступовичъ и м. Словечно (въ послѣднемъ въ особенности); что въ этомъ слѣдуетъ видѣть процессъ, въ результатѣ коего можно предвидѣть исчезновеніе дифтонговъ, доказательствомъ (сему служитъ тотъ фактъ, что одни и тѣ же слова неодинаково звучатъ въ произношеніи лицъ разнаго возраста, хотя и одного и того же села. Такіе примѣры дало мнѣ наблюденіе надъ говоромъ села Копищъ; при пѣніи пѣсни, въ коей встрѣтилось слово: *позоѹбали*, я предлагалъ произносить его молодымъ парнямъ и дѣвушкамъ, и въ ихъ произношеніи

неслогового гласнаго почти не было слышно, при чемъ удлинялась первая часть дифтонга (сонантъ), между тѣмъ въ произношеніи стариковъ и пожилыхъ дифтонгъ получалъ свою вполне определенную артикуляцію.

III. Появленіе въ произношеніи У въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) на мѣстѣ Ы (*и*), на примѣръ: бубъ (= быкъ), вѹпіті (= выпить), звѹткіль (откуда), скрѹзь и скрѹозъ (с. Копище), Пуминъ = Пимень (м. Словечно), вусѹба = висока (с. Копищи, Выступовичи), мѹло = мыло (тамъ же).

б) на мѣстѣ *і* (изъ *ѣ*), на примѣръ: вѹнчашне = вѣнчанье (село Копище).

в) на мѣстѣ *е* безударнаго, на примѣръ: вѣчуръ.

г) на мѣстѣ *о* — ударнаго, на примѣръ: згѹнъ¹), дорѹжка, брѹдь (= бродъ — итти въ бродъ) (с. Копище, Воробьевы).

д) на мѣстѣ *о* съ предыдущей мягкостью (южно-малор. Э), на примѣръ: бѣрѹзка (с. Копище), людъ = лѣдь (м. Словечно).

е) на мѣстѣ *о* ударнаго въ началѣ слова, при чемъ здѣсь еще является приставка *в*, на примѣръ: вѹса (оспа) (с. Копище, Воробьевы корчмы, Выступовичи).

ж) на мѣстѣ *о* безударнаго, на примѣръ: пушли по робѹту = отпра- вились на работу (м. Словечно, с. Бѣгунъ, д. Антоновичи).

IV. Появленіе въ произношеніи *і* на мѣстѣ *е*, на примѣръ: бѣтѣнко, бѣрѹзка при берѹзка (с. Копище, Словечно), сѣмьїі—семьи (с. Копище).

V. Появленіе *е* на мѣстѣ малорусскаго *а* съ предыдущей мягкостью, какъ въ слогахъ ударныхъ, такъ и безударныхъ, на примѣръ, *екъ* = якъ, *екїй* (с. Копище, Выступовичи и отчасти Ласки и Васьковичи) *млѣ* (для).

Изъ области согласныхъ слѣдуетъ указать:

а) на произношеніе *г*, которое выговаривается и какъ *h*, и какъ *g*. Въ большинствѣ случаевъ звукъ *г* является длительнымъ фрикативнымъ — латинскому *h*. Въ этомъ произношеніи мы встрѣчаемъ его въ словѣ:

1 =сгонъ; мѣсто, куда сгоняють рогатый скотъ.

кагѹ (кажу, говорю), вунь кáгэ = онъ говоритъ (с. Кошице, Выступовичи, Людвиновка), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже: кау, скау и скагѹ.

Что касается *z* мгновеннаго, то его встрѣчаемъ не только передъ голосовыми согласными, какъ, на примѣръ: *кызѣтысь* но и передъ гласными, на примѣръ: *кгэзъ, кгіркгбчэ, кгоспóдаръ* и др. (с. Кошице Выступовичи, Людвиновка и др.).

б) произношеніе *ʃ*, которое отклоняется отъ общемалорусскаго *sz* и звучитъ, какъ *ʃ*, на примѣръ: *фѹрточка*.

в) появленіе *z* (= латинскому *g*) на мѣстѣ *o*, на примѣръ: *кглэсьмѣйі* = для семьи (м. Словечно).

Ограничиваясь пока указаніемъ лишь перечисленныхъ особенностей въ произношеніи согласныхъ, я долженъ замѣтить, что они сохраняютъ палатальность тамъ, гдѣ мы бы этого не ожидали, исходя изъ основныхъ особенностей говоровъ малорусскихъ, и эта палатальность болѣе широко выражается именно въ этой части посѣщенной мною мѣстности. Обычныя малорусскія: *носѣты, ходыты, косыты* здѣсь звучатъ: *носѣті, косѣті и косѣці*. Только въ южной части этой половины территоріи палатальность ослабляется, сближая говоръ съ обще-малорусскимъ, при чемъ *носѣтѣгі, ходѣтѣгі* даютъ примѣры перехода отъ мягкости къ твердости произношенія звуковъ.

Подводя итогъ описанію говоровъ, необходимо замѣтить, что для установленія границы, отдѣляющей сѣверно-малорусскіе говоры отъ южно-малорусскихъ въ эту поѣздку всѣхъ данныхъ мною не собрано; поэтому нѣтъ пока полныхъ и надлежащихъ основаній для группировки особенностей говоровъ по уѣздамъ.

Что касается дѣленія посѣщенной мною мѣстности на основаніи особенностей говоровъ на двѣ части—западную и восточную, то главные черты различія въ говорахъ этихъ частей можно свести къ слѣдующимъ грашамъ:

1) Отсутствие бѣлоруссизмовъ въ западной части и широкое выраженіе ихъ въ восточной, по крайней мѣрѣ главныхъ чертъ ихъ (аканье, цеканье, дзеканье).

2) Преобладаніе палатальности гласныхъ и согласныхъ въ восточной части.

3) Преобладаніе въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ звуковъ *е* и *э* въ западной, и *і* и *у* въ восточной части.

4) Преобладающее значеніе звука *у* въ восточной части, являющагося замѣстителемъ не только дифтонговъ, но и другихъ гласныхъ, при отсутствіи этой особенности въ западной.

5) Лабіализація звуковъ, какъ отличительная особенность исключительно восточной части посѣщенной мною территоріи.

6) Тенденція къ стяженію дифтонговъ, выражающаяся въ западной части въ томъ, что дифтонги *іе*, *іэ* стягиваются преимущественно въ *е*, *э*, а въ восточной въ *і*; а дифтонги *уо*, *уэ* въ восточной части въ *у*, а въ западной, кромѣ того, иногда въ *о*.

7) Преобладающимъ для западной половины является звукъ *і* — широкій, открытый; для восточной — узкій и закрытый.

Оставляя пока безъ выясненія болѣе детальныя особенности говоровъ Волынскаго Полѣсья, а равно и то, насколько современные говоры Волынскаго Полѣсья по своимъ чертамъ соотвѣтствуютъ той характеристикѣ и группировкѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей, какая проведена у Чубинскаго, необходимо добавить, что мнѣ не пришлось отмѣтить въ Овручскомъ уѣздѣ дифтонга *уы*¹⁾, который отмѣченъ А. И. Соболевскимъ въ его «Очеркахъ»; что касается переливовъ говоровъ бѣлорусскаго и сѣверно-малорусскаго, то они особенно ярко выражаются въ говорѣ с. Копищъ и ближайшихъ къ нему окрестностей. Затѣмъ по направленію на югъ отъ Овруча замѣтно рѣдкое употребленіе дифтонговъ, которые въ произношеніи являются въ станутомъ видѣ, такъ что въ селѣ Могильно (на рубежѣ Житомирскаго и Овручскаго уѣздовъ) почти совсѣмъ не слышно въ произношеніи дифтонговъ типа *уо*, *уы*, *уэ*: вмѣсто нихъ произносится \bar{y} (нож \bar{y} в, в \bar{y} сімь, д \bar{y} щъ); между тѣмъ дифтонгъ *іе* встрѣчается въ произношеніи и здѣсь (щ $\bar{і}$ е — еще, у млын $\bar{і}$ е); наконецъ звукъ *і* не является здѣсь вполне узкимъ и закрытымъ, а скорѣе среднимъ.

1) Живая Старина 1892 г., вып. IV, стр. 17.

Въ заключеніе всего изложеннаго замѣчу, что мною было обращено вниманіе и на этнографическія особенности, а именно записаны мною похоронныя причитанья, и въ связи съ этимъ похоронныя обряды, а также обряды, сопровождающіе празднованіе Ивана Купала и крестьянскую свадьбу; равнымъ образомъ дѣлаемы были наблюденія надъ тѣми разказами, въ которыхъ выразилась народная демонологія, и сохранились остатки языческихъ вѣрованій.

Вячеславъ Каминскій.

Варшава

12 ноября 1910 года.

